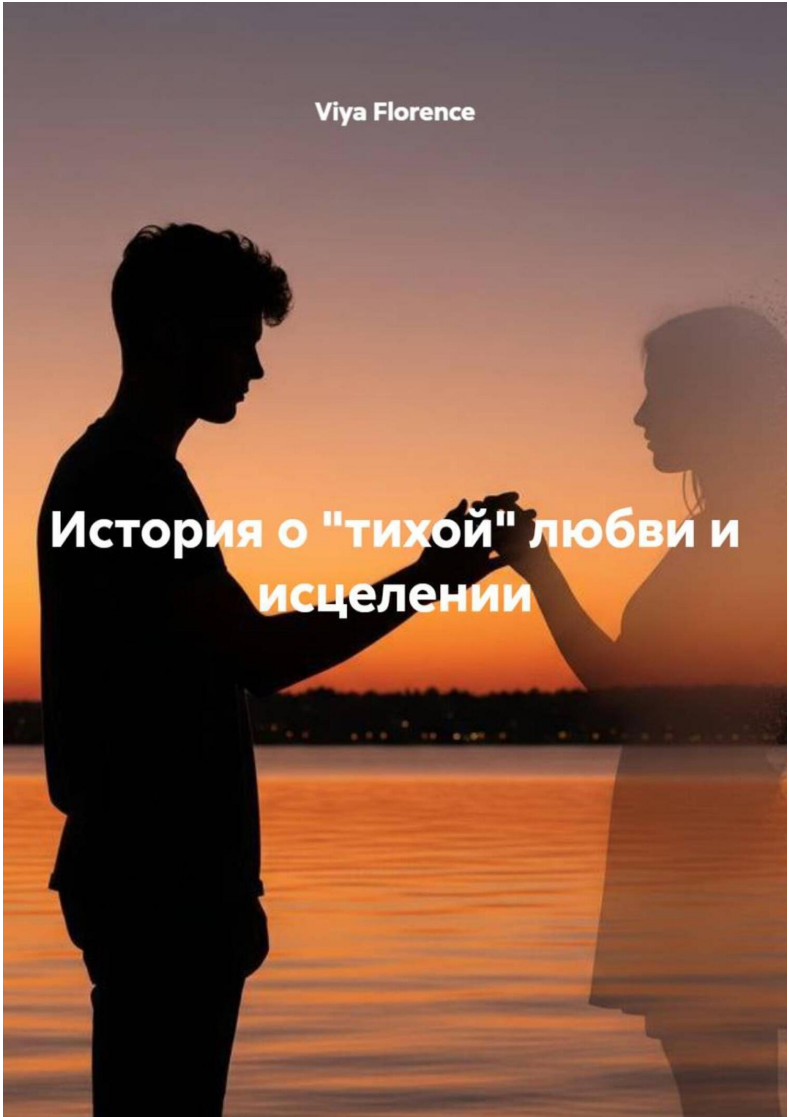

Viya Florence
История о "тихой" любви и исцелении

Viya Florence

История о «тихой» любви и исцелении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72680587
SelfPub; 2025

Аннотация

История Артёма – это медленное и бережное возвращение к жизни. Измученный тревогой и паническими атаками, он пытается спастись от самого себя в маленьком городке. Его новое существование состоит из страха выйти на улицу и борьбы с внутренними демонами. Случайный визит в цветочный магазин «Флора» становится первым шагом к исцелению. Его хозяйка, Вика, не лечит и не спасает – она просто учит его тишине, спокойствию и принятию. Через уход за растениями, неспешные разговоры и молчаливое понимание Артём учится замечать мир вокруг, доверять людям и, самое главное, – себе. Это роман не о страсти, а о покое, не о бегстве, а об обретении дома.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Viya Florence
История о "тихой" любви и исцелении

Глава 1

Шум города остался там, за спиной, за сотни километров. Он был не звуком, а физическим давлением – постоянным, низкочастотным гулом, который впивался в виски и не отпускал даже во сне. Здесь, в крошечном городке с названием Сосновый Бор, звуков почти не было. И это было страшнее.

Артём стоял у окна своей новой, почти пустой квартиры и слушал тишину. Но она не была беззвучной. Она гудела. Эта тишина была его собственным навязчивым гулом, исходящим изнутри. Тревога не ушла; она просто сменила декорации. Теперь у нее не было оправдания в виде грохочущих машин и кричащих сирен. Теперь она питалась им самим.

Переезд был попыткой побега. От работы, съедавшей его по кусочкам. От отношений, рассыпавшихся в прах под грузом его непредсказуемых состояний. От самого себя, в конце концов. «Чистый лист» – так он называл это в моменты

редкого просветления. Сейчас этот лист казался ослепительно-белым и пугающе пустым.

Рука сама потянулась к карману за телефоном, чтобы проверить уведомления, которых не было. Привычка. Ритуал успокоения, который не успокаивал. Он глубоко вздохнул, пытаясь применить одну из тех техник, что советовала терапевт. «Пять вещей, которые ты видишь. Стол. Стул. Сумка. Пыль на полу. Собственное отражение в окне».

Отражение ему не понравилось. Бледное лицо, тени под глазами, которые казались фиолетовыми в холодном свете северного утра. Он выглядел как человек, которого только что выбросило на берег после кораблекрушения. Что ж, так оно и было.

Комнату наполнял запах старого дерева и пыли. Арендодатель сказал, что дом был постройки еще советских времен, но держался крепко. Артём поверил. В стенах здесь была своя, неспешная история, а не картонная хлипкость его старой новостройки.

Живот предательски заурчал, напоминая, что с момента переезда он ничего не ел. Выходить было последним, чего ему хотелось. Каждый новый человек, каждое неизвестное место – это потенциальная угроза, мина, на которую мож-

но наступить. Но холодильник сиял пустотой, и выбор был невелик: либо сдаться и лечь лицом в пыльный паркет, либо сделать шаг.

Главная улица города, носившая гордое название Проспект Победы, была короткой и уютной. Небольшие домики с резными наличниками, пара магазинчиков и, в самом конце, сквер с памятником неизвестному солдату. Люди двигались медленно, не спеша. Никто не бежал, сломя голову, не говорил громко в телефон. Это ритм, к которому ему предстояло привыкнуть. Если получится.

Он зашел в первый попавшийся продуктовый, купил молока, хлеба и яиц – базовый набор человека, пытающегося выжить. Процесс оплаты картой показался ему каким-то подозрительно простым и быстрым. Кассирша, женщина лет пятидесяти, улыбнулась ему и спросила: «Вы новый?»

Артём кивнул,сглотнув комок внезапно подступившей тревоги. Обо мне уже знают.

«Добро пожаловать»,– сказала она просто и вернулась к разглядыванию экрана.

Он вышел на улицу, чувствуя, как учащенно бьется сердце. Глупо. Абсолютно глупо реагировать на простую вежливость. Но его нервная система была настроена на обнаружение опасности, и любое внимание, даже доброжелательное,

она трактовала как угрозу.

Именно тогда он увидел его. Небольшую стеклянную витрину, за которой буйствовала жизнь. Цветы. Десятки, сотни оттенков зеленого, взрывы красного, желтого, сиреневого. Вывеска гласила: «Флора».

Он не планировал заходить. У него не было ни девушки, ни друзей, кому можно было бы подарить букет. Но ноги сами понесли его к двери. Это было бегство. Бегство от пустоты своей квартиры и от незнакомой доброты кассирши в спасительную, пахнущую жизнью скорлупу.

Внутри воздух был густым и влажным, пахло землей, травой и чем-то сладковатым. Тишина здесь была другой – живой, наполненной едва слышным дыханием растений. И была она.

Девушка. Она стояла за прилавком, спиной к нему, осторожно обрезая стебли роз. Высокая, в простом льняном платье, с темными волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались отдельные пряди. Она не заметила его сразу. Артём замер у входа, чувствуя себя незваным гостем.

Когда она наконец повернулась, он увидел спокойное лицо без намека на макияж и серые, ясные глаза. Они не выра-

жали ни навязчивого любопытства, как у кассирши, ни раздражения. Они просто смотрели.

«Добрый день»,– сказала она. Голос у нее был низкий, ровный, как теплая вода.

«Д-день»,– выдавил Артём.

Он подошел к ближайшей стойке с горшечными растениями, делая вид, что рассматривает кактусы. Его ладони вспотели. Что ты здесь делаешь? Иди домой. Ты выглядишь как идиот. Он взял в руки небольшой горшочек с чем-то зеленым и колючим.

«Эхеверия»,– сказала девушка. Она не подошла ближе, оставаясь за своим прилавком, давая ему пространство. – «Неприхотливая. Любит солнце и умеренный полив».

Артём кивнул, переворачивая горшок в руках. Молчание затягивалось, но почему-то оно не было неловким. Она не пыталась его заполнить ненужными словами. Она просто позволяла ему быть.

«Я…я, наверное, возьму», – сказал он наконец. Ему вдруг отчаянно захотелось забрать с собой этот кусочек тихого, упорядоченного мира.

Он подошел к кассе, поставил горшок на стойку. Девушка пробила покупку.

«Первый раз в нашем городе?»– спросила она, аккуратно

заворачивая эхеверию в оберточную бумагу.

«Да.Переехал. Недавно».

«Хорошее место,чтобы перевести дух», – заметила она, и в ее словах не было ни капли пафоса или иронии. Она констатировала факт.

Он расплатился, взял сверток. Растение казалось на удивление тяжелым в его дрожащей руке.

«Спасибо».

«Не за что.Хорошего дня».

Артём вышел на улицу. Солнце пригревало уже по-настоящему. Он посмотрел на маленький зеленый комочек в руке. Он был реальным. Осязаемым. Девушка из цветочного не спросила его имени. Не попыталась завязать беседу. Она просто сделала свою работу и отпустила его. И в этом была какая-то невероятная, исцеляющая благодать.

По дороге домой он не проверял телефон. Он смотрел под ноги, на тротуарную плитку, на играющих в сквере детей. Тревога не ушла. Она была тут, с ним, этот привычный гул под черепом. Но теперь у него был тихий собеседник. И маленький, неприхотливый кусочек тишины в руке, который нужно было просто поливать. Иногда. И это уже было хоть что-то. Первый, крошечный шаг на чистом листе.

Глава 2

Эхеверия заняла место на подоконнике в гостиной. Артём поставил ее так, чтобы первое, что он видел, просыпаясь, – это ее четкие, симметричные розетки, похожие на каменный цветок. В ее молчаливой статичности была своя магия. Она просто росла. Никуда не торопилась. Не требовала ничего, кроме капли воды и солнечного света. «Неприхотливая», – вспомнил он слова девушки.

Ее лицо всплывало в памяти с удивительной четкостью. Не потому что было красивым – хотя, наверное, было, – а потому что спокойным. В его прежней жизни не было таких спокойных лиц. Все были вечно на взводе, заведены, как пружины. А ее глаза… в них не было вопроса. Они не пытались его разгадать или оценить.

Три дня он не решался снова зайти в «Флору». Каждый раз, проходя мимо, он ускорял шаг, украдкой бросая взгляд на витрину. Иногда он видел ее силуэт за стойкой или склонившуюся над растениями. Однажды она выносила на улицу ящик с геранью, и он заметил, как солнце играет в ее темных волосах. Это наблюдение вызвало не привычный укол тревоги («а что, если она заметит?»), а что-то другое. Смутное, теплое чувство, похожее на любопытство. Но внутренние де-

моны не дремали. Они шептали ему по ночам, когда тишина становилась оглушительной: «Ты ей не интересен. Ты – очередной клиент. Твоя нервозность видна за верст. Ты будешь обузой, как и для всех».

Утром четвертого дня он заметил, что один из нижних листков эхеверии пожелтел и сморщился. Паника, острая и иррациональная, сжала его горло. Он убил его. Единственное живое существо, которое доверили его заботе, и он уже успел все испортить. Это был знак. Приговор его несостоятельности.

Он схватил телефон, чтобы загуглить «почему умирает эхеверия», но рука дрогнула. Нет. Это был предлог. Он боялся не за растение. Он боялся вернуться в магазин. Боялся увидеть в ее глазах разочарование или, что хуже, – жалость. «Идиот, – прошипел он сам себе. – Она даже не узнает тебя».

Сжав горшок в руках, как щит, он почти бегом пустился к «Флоре». Дверной колокольчик прозвенел оглушительно-весело, резанув по нервам.

В магазине стояла та же благоухающая тишина. И она была там. На этот раз она переставляла горшки с орхидеями на высокой полке, встав на небольшую стремянку.

Услышав звонок, она обернулась. Взгляд ее скользнул по нему, потом опустился на растение в его руках. Никакого узнавания. Просто нейтральная, профессиональная внимательность. Она спустилась на пол.

«Здравствуйте», – сказал Артём, и его голос прозвучал хрипло и неестественно громко.

«Добрый день.Что-то случилось?» – она подошла ближе, но не нарушая невидимую границу его личного пространства.

Он протянул ей горшок, как улику.

«Лист.Он… он вот такой. Я, наверное, залил его? Или не долил? Я не знаю». Он слышал, как звучат его слова – панически-беспомощно. Именно так он и боялся прозвучать.

Она бережно взяла горшок, ее пальцы коснулись его на секунду. Прикосновение было прохладным и легким. Она внимательно осмотрела растение, повертела в руках, а потом… улыбнулась. Не широко, а лишь легким движением уголков губ. Но в ее глазах появилось что-то теплое.

«Ничего страшного, – сказала она. – Она просто обновляется. Старые нижние листья отмирают, чтобы дать силы новым. Это естественно».

Артём почувствовал, как с его плеч сваливается тяжеленный груз. Глупая, детская радость затопила его. Он не убил его. Все было в порядке.

«Правда?»– выдавил он, чувствуя себя полным идиотом.

«Абсолютно.Вы все делаете правильно. Видите, новые листья – крепкие, упругие».

Он кивнул, не в силах подобрать слов. Стыд за свою панику смешивался с облегчением.

«Меня,кстати, зовут Вика, – сказала она, ставя горшок обратно на прилавок. – Если что-то будет беспокоить, можете просто спросить».

«Артём»,– отозвался он.

Он ожидал, что после этого последуют вопросы. «А чем занимаетесь?», «А где работаете?», «Надолго ли переехали?» – стандартный набор, от которого его бросало в дрожь. Но Вика просто кивнула.

«Хорошо,Артём. Забирайте свою красавицу. И не волнуйтесь так. Растения чувствуют тревогу».

Это прозвучало не как упрек, а как констатация факта. Как совет старого садовода.

«Спасибо,– сказал он. – Большое спасибо».

«Всегда пожалуйста».

Он вышел из магазина, держа свой горшок уже не как щит, а как нечто драгоценное. Воздух показался свежее, а солнце – теплее. Он не обрел мгновенного покоя. Тревога, его верная спутница, никуда не делась. Она притихла, свернулась клубком где-то в глубине, давая ему передышку.

Он вспомнил ее слова: «Растения чувствуют тревогу». И подумал, что, возможно, люди – тоже. И что, возможно, именно поэтому он всегда чувствовал себя чужим. Но Вика… она не отшатнулась. Она просто констатировала факт, как с пожелтевшим листом. «Ничего страшного. Это естественно».

Впервые за долгие годы ему показалось, что в его состоянии может быть что-то естественное. И это открытие было страшным и прекрасным одновременно. Как первый луч солнца после бесконечной ночи. Он шел домой, и эхеверия в его руках казалась уже не просто растением, а молчаливым партнером по этому неспешному, трудному путешествию под названием «жизнь с чистого листа».

Глава 3

Случай с эхеверией стал неким разрешением. Разрешением приходить в «Флору» просто так. Не потому что растение умирало, а потому что ему не хватало того ощущения тишины, которое жило меж стеллажей с цветами.

Он выработал ритуал. Каждые два-три дня, ближе к вечеру, когда жара спадала и в магазине обычно не было покупателей, он заходил на несколько минут. Он не мог просто прийти и стоять – это казалось ему подозрительным. Нужен был предлог.

«А что вот это?» – показывал он на растение с причудливыми листьями.

«Это строманта.Она, кстати, на ночь листья складывает, как руки для молитвы».

«А это пахнет?»– спрашивал он про скромный кустик с мелкими цветочками.

«Это герань.Потри листок». Он тер, и пальцы пахли потом мятой и яблоком.

Вика – Виктория, как он узнал из ее слов, когда ее окликнула пожилая женщина, – всегда отвечала ровно, без лишней информации, но и без спешки. Она не навязывала раз-

говор, но и не отмалчивалась. Она была как энциклопедия растений, открытая на нужной странице.

Артём научился слушать не только ее слова, но и ее тишину. Он заметил, как она разговаривает с цветами, пересаживая их – не сюсюкаясь, а спокойно, деловито: «Ну-ка, подвинься немного, вот так». Он видел, как она чувствует почву пальцами, определяя влажность. В ее движениях была уверенность, рожденная не из-за горделивости, а из глубокого понимания своего дела.

Он начал замечать и другие мелочи. Небольшую чашку с отбитой ручкой, из которой она пила чай. Старую книгу о суккулентах на прилавке, заложенную засохшим листом. Ее привычку поправлять волосы тыльной стороной ладони, чтобы не запачкать их землей.

Однажды он пришел, когда она имела дело с навязчивой покупательницей. Женщина громко и безапелляционно требовала «тот самый голубой цветок, который у всех в Инстаграме», и была недовольна каждым предложенным вариантом. Артём внутренне сжался, ожидая вспышки раздражения. Но Вика стояла, как скала. Она спокойно, раз за разом, предлагала альтернативы, ее голос оставался ровным, как поверхность озера в безветренный день. Когда женщина, фыркнув, ушла ни с чем, Вика встретила взгляд Артёма и…

чуть заметно подмигнула. Это был крошечный, почти невидимый союзный жест. Он понял: она видела его напряжение и давала знак – «все в порядке, я справляюсь».

В тот день он купил маленький кактус. «Для компании эхеверии», – пробормотал он. Вика только кивнула, завертывая его.

Эти визиты стали для него якорями, точками стабильности в зыбком песке его дней. Он все еще просыпался по ночам от собственного стучащего сердца. Все еще ловил себя на мысли, что ждет подвоха, какого-то страшного известия, которое должно обрушиться на него за эту неестественную, наступившую передышку. Недоверие к собственному наметившемуся спокойствию было его главным внутренним демоном. «Это ненадолго, – шептал он сам себе, глядя на два горшка на подоконнике. – Вдруг все испортишь».

Он боялся, что его регулярные визиты становятся обузой. Что Вика лишь из вежливости терпит этого странного, молчаливого парня, который приходит под надуманными предлогами. Однажды, собравшись с духом, он прямо спросил:

«Я вам не мешаю? Если вы заняты…»

Она посмотрела на него прямо своими серыми глазами,и в них не было ни капли лукавства.

«Нет. Мне нравится, когда люди интересуются растения-

ми по-настоящему. А не просто как украшением».

Этот ответ был как бальзам. «По-настоящему». Она не считала его визиты навязчивыми. Она видела в них искренний интерес. И, возможно, в этом был самый большой парадокс: его тревога, заставившая его искать уединения среди цветов, была воспринята как нечто положительное. Как любовь к растениям.

Возвращаясь домой с новым кактусом, он понял, что уже не смотрит себе под ноги, боясь встретиться взглядом с прохожими. Он смотрел на дома, на деревья, на кошку, греющуюся на заборе. Маленький городок постепенно переставал быть декорацией к его страху. Он становился местом. Местом, где в цветочном магазине жила тишина по имени Вика. И эта тишина, вопреки всем его ожиданиям, не была пустотой. Она была полной, глубокой и, он начинал это замечать,словно исцеление души.

Глава 4

На подоконнике у Артёма стояли уже четыре горшка. К эхеверии и кактусу добавились строманта, чьи листья и правда поднимались к вечеру, и герань, пахнущая яблоками. Маленький сад стал его молчаливым дневником, отметкой пройденных недель. Каждое новое растение было некой, крошечной победой над страхом показаться навязчивым.

Но сегодня ритм был сбит. Подойдя к «Флоре», он увидел на двери табличку «ЗАКРЫТО». Это было не по расписанию. Обычно в этот час Вика как раз заканчивала полив.

Паника, знакомая и цепкая, схватила его за горло. Что-то случилось. Может, она заболела? Или ей надоели эти визиты, и она просто не хочет его видеть? Может, она уехала? Логика шептала, что у любого человека могут быть личные дела, но тревога кричала громче: это из-за тебя. Ты стал обузой, и она исчезла, чтобы избежать тебя.

Он стоял на пустынной улице, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Его якорь сорвался. Внутренний гул, который почти затих, вернулся с новой силой, заполняя собой все. Он механически повернулся и пошел куда глаза глядят, не замечая ни солнца, ни прохожих.

Ноги сами принесли его в сквер у памятника. Он опустился на скамейку, сжав виски пальцами. «Дыши, – приказал он себе. – Просто дыши». Но дыхание сбивалось, сердце колотилось где-то в горле. Он закрыл глаза, пытаясь представить себе спокойное лицо Вики, ее ровный голос. Но вместо этого видел только пустую витрину и табличку «ЗАКРЫТО».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.